

Георгий Лопатин

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Л77

Серия «Попаданец»
Выпуск 161

Иллюстрация на обложке *Бориса Аджиева*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Лопатин, Георгий

Л77 Князь Рус. Посланец Сварога: роман / Георгий Лопатин. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2023. — 416 с. — (Попаданец).

ISBN 978-5-17-160117-1

Славянские племена под угрозой. Вот-вот начнется нашествие жестокого кочевого племени авар, что в реальной истории поработили славян на многие столетия, используя их как смазку для клинков, бросая на смерть — штурмовать ромейские города. Лишь немногие смогли уйти и скитаться по далекому и холодному северу, скупому на ресурсы, как пищевые, так и полезными ископаемыми. Но благодаря попавшей в прошлое в тело князя Руса душе нашего современника, все может измениться...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-160117-1

© Георгий Лопатин, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Пролог

Есть на севере загадочные, выложенные из камней круги-лабиринты. Хотя к классическим лабиринтам с тупиками они не имеют никакого отношения, просто ведущая к центру специфически изогнутая дорожка без ответвлений. Кто их сделал, когда, а главное, каким целям они служили, доподлинно ныне неизвестно. То ли площадка для шаманских камланий, каких-то социальных обрядов вроде свадебных, то ли вообще похоронных, для перехода душ усопших в иной мир, а может, еще для чего-то...

Но еще до того, как о них стало хорошо известно широкой общественности благодаря газетам, телевизионным передачам, а потом и интернету, в одно из таких мест с кругом диаметром в тридцать метров с начала восьмидесятых годов любила приезжать на выходные семья Орловых, Василий Васильевич и Полина Викторовна, благо имелась собственная машина, старенькая двадцать первая «Волга», но в хорошем состоянии, так как у главы семейства руки росли откуда надо и ремонт производился качественно.

Рыбачили, жарили шашлыки, собирали ягоды и грибы, иногда охотились на мелкую живность, в общем устраивали классический пикник на природе. Ездили даже зимой, хоть и реже, чем летом, но раз в месяц в хорошую погоду обязательно вырывались из шумного и вонючего города Петра творенья, что навевал своим унылым серым видом, да еще в столь непростое время для страны, чувство даже не тоски, а какой-то беспросветной обреченности, ведь наступили лихие девяностые...

Здесь, на природе, оставив суетную цивилизацию за спиной, плохие мысли постепенно уходили, хандра слетала, и становилось легче дышать. Даже больше: появлялся заряд бодрости.

Брали с собой и своего малолетнего сына Василия (была в их семье такая традиция — всем первенцам давать имя Василий), для которого эти поездки стали самым желанным событием. Во время этих путешествий он был по-настоящему счастлив.

Став чуть взрослее, Василий понял, что его родители слегка... нестандартные, по крайней мере по сравнению с родителями его одноклассников. Нет, не психи и даже не сектанты какие, но... определенно несколько хиппанутые, разве что дурью не увлекаются, более того, даже не курили и спиртное употребляли только по большим праздникам и очень в меру. Опять же, на ставшую модной в стране эзотерику подсади, йогой занялись, про всякие там чакры с аурами читают, третий глаз открывают и прочую ересь изучают типа феншюя, хиромантии да гороскопов.

Василий, естественно, тоже не избежал этого поветрия, и немудрено, ведь родители все равно вольно или невольно становятся объектом для подражания. Но, как ему казалось, он изучал более практичные вещи, а именно гипноз и самогипноз. Последняя дисциплина давалась ему особенно хорошо, так что однажды, несколько увлекшись изучением и оттачиванием одной методики, чуть в кататоническое состояние не впал. Хорошо, не усидел и свалился на пол со стула, больно стукнувшись плечом. Но занятия не бросил. Васе казалось, что это помогает ему в учебе лучше запоминать материал. Учился он и впрямь неплохо, отличником не был (математика и все, что связано с цифрами, почему-то плохо поддавалось подобному способу изучения, даже даты исторических событий усваивал с трудом), но и троек тоже не имел. Особенно хорошо шли гуманитарные предметы, литература, история и иностранные языки, так что он довольно легко освоил школьные курсы английского и немецкого, самостоятельно изучил французский и даже нацелился на итальянский...

Шло время, и Василий Орлов стал ездить один, пытаюсь подзарядиться и сбросить накопившуюся эмоциональную тяжесть, чтобы пережить очередную тяжелую рабочую неделю... Увы, пока служил в армии обычным мотострелком, родители, возвращаясь из очередного вояжа «подзарядки», попали в автомобильную аварию. На встречу вылетел джип «мерседес» с мажорчиком под кайфом...

Мажорчик выжил и даже пострадал не сильно, спасла подушка безопасности. И от ответственности в итоге увернулся. Вроде как ни в одном глазу, а что машина вылетела, так это из-за технической неисправности — руль заклинило. Типа несчастный случай, никто не виноват. Так что продолжил этот мажорчик и дальше веселиться, по клубам бегать да с девками гулять как ни в чем не бывало. Правда, недолго... Случилась у него передозировка сильная. Поудивлялись, конечно, знающие люди, ведь дозы у него были все отмерены в специальных патетиках, а тут отчего-то сразу десять доз себе в вену вкатил, но разбираться не стали. Чего с нариком возиться, когда других дел выше крыши? Насильники, маньяки да убийцы бегают табунами. А нарики эти пусть хоть все сторчатся.

Кое-то время Василий пытался приохотить к поездкам жену, но она не проявила большого энтузиазма, предпочитая ночные клубы. А потом и вовсе семейный корабль налетел на подводные рифы жизни, когда он обнаружил, что ему надо лечиться от одной специфической болячки, передающейся половым путем. Не повезло. Бывает. Гормоны, то да се... Не разглядел, в общем. Хорошо хоть, не СПИД. Да и поначалу была такой правильной... И гипнотизировать-программировать ее «на верность» Василий посчитал неэтичным, нечестным (иначе это ведь все равно что с живым роботом жить, с чем-то ненатуральным, подделкой, кому-то, может, и в кайф было бы сделать себе полностью послушную куклу, исполняющую все его прихоти, но не ему), потому вообще в личных отношениях никогда не пользовался гипнозом (разве что на работе чуть-чуть, для установления доброжелательного настроения в коллективе), вот и аукнулось ему его чистоплюйство.

Василий невольно скривился, сбрасывая негативные воспоминания личной неудачи, что нет-нет да накатывали болезненной волной, внося в душу раздрай, и включил радио. Как раз шла метеосводка. На севере, да еще в прибрежной зоне, погода меняется резко, вот вроде тихо все, а через десять минут — шторм, так что послушать обновленный прогноз погоды не мешало.

Но ничего не поменялось, все те же двадцать пять тепла, что для середины сентября было весьма хорошо, разве что на данной волне сообщили о мощной солнечной вспышке, случившейся аккурат три дня назад, а значит, поток заряженных частиц вот-вот должен был достигнуть Земли, и рекомендовали сердечникам и прочим метеочувствительным людям держать необходимые лекарства под рукой и особо физически и психологически не напрягаться.

— ...Так что мы с вами, дорогие радиослушатели, в ближайшие часы можем стать свидетелями такого интересного и красивейшего явления, как северное сияние...

Василий выключил радио и снова скривился из-за очередного плохого воспоминания. Жена не оценила тогда небесного зрелища. Холодно ей, видите ли, было; комары, понимаешь; дескать, видела уже... по телевизору.

Сорок лет в этот день должно было исполниться. И вот навалилась какая-то зеленая тоска. Знакомые говорили про кризис среднего возраста... Дескать, надо стиснуть зубы и перетерпеть, только не пускаться во всякие безумства, что иногда случается с людьми в такой непростой период жизни. И он сам, прекрасно зная об этом, терпел, но не вытерпел и прямо в обеденный перерыв среди рабочей недели сорвался на «свое место», для чего взял отгул, благо был у начальства на хорошем счету... что немудрено с его-то способностями.

Он все-таки решил забить на странную традицию и отметить свой день рождения, пусть и в одиночестве. Ну а то, что эту дату не празднуют (видимо, в память о хазарских каганах, коих в сорок лет ритуально удавливали), ему было наплевать.

Пить, правда, не стал, не приучен, тем более в одиночку. Просто разбил палатку и пошел рыбачить, постепенно чувствуя, как его отпускает и все проблемы становятся какими-то далекими и несущественными. Было ли это самовнушением, в котором он так хорошо продвинулся? Василий не знал. Но так ли это важно, если помогает? Так что он не собирался заниматься самоанализом. Увлечаться самокопанием тоже не стоит.

Подступил вечер, стало темнеть, и Василий запек улов, коим и поужинал, открыв-таки прихваченную бутылку белого вина. Почему-то именно в этот день как никогда остро захотелось вернуться назад в свое беззаботное и счастливое детство...

Странно, но в этот раз уснуть Орлов почему-то долго не мог. Выбрался из палатки и долго сидел в раскладном кресле, наблюдая за птицами и провожая взглядом проходящие вдаль корабли. А потом стало не до сна, началось обещанное радиоведущим северное сияние. Величественное и завораживающее зрелище. Он не раз и не два наблюдал это явление, но каждый раз оно для него было, как в первый раз. Но сейчас было особенно хорошо, тело наполнила необычайная легкость...

Василий очень долго не отрываясь смотрел на светящиеся зеленые переливы в небесах, да так, что сам не заметил, как вошел в сомнамбулическое состояние и, не отдавая себе отчета в собственных действиях, встал и, словно лунатик, подошел к каменному лабиринту, а потом двинулся по тропе, чего он давно не делал. С далекого детства не делал. Лишь где-то на грани сознания пульсировала одна мысль-желание: вернуться в прошлое и изменить свою как-то криво сложившуюся, на удивление серую жизнь...

Вот он дошел до центра и встал на центральный камень. В следующий момент Василий ощутил себя невесомым, а потом его словно начало высасывать из тела. Мгновение, и Василий Васильевич Орлов рухнул как подкошенный.

1

Василий Орлов открыл глаза и медленно осмотрелся. Обстановка, мягко говоря, его несколько удивила, да и в целом не понимал, что произошло и где он. Было сумрачно. В качестве единственного источника света выступало небольшое квадратное окошко над низкой дверью, настолько низкой, что в окно можно было посмотреть, встав напротив него. Ну как окошко? Просто отверстие без намека на остекление, так что при желании еще и голову можно высунуть для лучшего обзора. При нужде его можно закрыть ставней изнутри.

Да и за окном тем, похоже, наступил вечер или просто установилась пасмурная погода из-за темных грозовых туч, затянувших все небо.

— Или все вместе... — пробормотал он. — Пожалуй, что пасмурный вечер.

Почему такой вывод? Ну так пахло сыростью и свежестью, как бывает после дождя. А после дождя облачный покров все-таки, как правило, хоть частично, но рассеивается...

— Так это что, я минимум сутки тут валяюсь?.. — дошла до него ситуация.

Глаза адаптировались к сумраку, и Василий, еще раз обведя взором вокруг, наконец смог определить, что помещение довольно большое, квадратов на двадцать, прямоугольное. Стены бревенчатые, но сложенные не классическим срубом, а стоят вертикально, вкопанные

в землю. С обработкой тоже не заморачивались: бревнышки кривые, и если бы не напихали мха, зияли щели. Вдоль стен стоят широкие лавки, под которыми лежали плетеные корзины и ящики-сундуки, при этом он сам почему-то лежит не на одной из них, а по центру, по всей видимости, на столе.

Было не слишком мягко. Шкура, на которой он, собственно, и возлегал, совсем не матрац, и укрыт шкурой же неясного происхождения, не то овчина, не то медвежья, не то еще какая...

По углам помещения на небольших полочках находились глиняные лампадки а-ля лампа Аладдина. Справа от двери увидел очаг из камня-плитняка, примерно полметра на метр и полметра высотой. Без трубы, а значит, отопление шло по-черному. Так что окошко это, надо думать, выполняло роль дымохода... Потолок отсутствовал, вместо него сразу виднелась сильно закопченная пологая двускатная крыша из жердей.

Взгляд продолжил скользить по третьему кругу, отмечая все новые детали. На стенах висели связки различных трав, какие-то веревки, на полках стояло множество глиняных горшков самых разных форм и размеров. Все изрядно подкопченные, а значит, ими регулярно пользовались, ставя на огонь и что-то в них готовя, и не факт, что еду... Имелись чистые кувшинчики.

Запах в помещении стоял не самый приятный, ну или, скорее, непривычный. Это, конечно же, запах застарелого дыма. Его разбавляли флюиды свежего гербария, еще не успевшего прокоптиться. Дальше нос учуял что-то прокисшее, к этому запаху добавлялся аромат мочевины и чего-то еще...

Василий постарался отрешиться от запахов. Сейчас это не самое важное. Важно совсем другое...

— Где это я?..

Все говорило в пользу того, что в доме (или даже скорее в полуземлянке) знахаря.

— Мрак... Это каким же надо быть апологетом старовещества, чтобы вот в такой исконно-посконной старине

жить? Но что-то я не слышал о таких сектантах в наших краях...

Так что мысль о староверах он отбросил сразу, они обитают где-то далеко за Уралом, тем более такие упоротые на старине.

— Может, реконструкторы?

Это было уже реальнее.

— Старославянские или викинги...

Орлов и сам не являлся новичком реконструкторского движения, причем стоял у самых его истоков еще в СССР. В конце восьмидесятых — в начале девяностых стало популярно «индейское движение», в котором стояли еще его родители, то есть одевались как индейцы, делали украшения своими руками, даже национальную индейскую избу собирали... вигвам называется. Это уже потом пошли все эти викинги с рыцарями, римские легионеры, а также наполеоновская тема, ну и, конечно, Первая и Вторая мировая.

Василий по инерции везде успел поучаствовать, даже на слеты толкинистов пару раз заносило с этими эльфями и гномами, пока движения не встали окончательно на коммерческие рельсы, а как известно, куда приходят деньги, оттуда уходит душа. Ну и просто из возраста вышел, хотя таких старичков, как он, там хватало с избытком.

— Не понял...

Его, как говорится, начали терзать смутные сомнения... Во-первых, острота зрения. К своим сорока оно у него стало не ахти. Приходилось уже носить очки чтобы видеть вдаль. Сейчас же со зрением не было никаких проблем, несмотря на сумерки, он видел все ясно и четко.

А во-вторых, ощущение во рту... Не поганый прикус, имевший место быть. В общем, язык давал четко понять, что у него идеально ровный прикус, словно после хорошей такой работы дантиста с установкой «фарфоровой голливудской улыбки». А ведь имелись в этом плане проблемы... В общем, неровные у него были зубы.

Орлов, осознав неправильность, быстро проверил остальные зубы кончиком языка. И осмотр подтвердил,

что зубы определенно не его: ни одной пломбы. Рефлекторно дернул рукой, но до рта, чтобы проверить уже все пальцами, не донес: рука принадлежала явно не ему.

Это рука была крепкая, грубая и натруженная, о чем свидетельствовали специфические мозолистые уплотнения на коже. Его собственные руки имели вид куда как более «аристократический», то бишь классические длани офисного планктона, что только и делали, как отбивали пальцами кнопки на клавиатуре да иногда брали ручку, чтобы поставить подпись.

Посмотрел на вторую руку. Зачем-то сравнил их между собой. Затем пропальпировал лицо. Хотя это было лишним, ибо на ощупь он и свое бы лицо не опознал. Хотя это тоже подтвердило пришедший ему в голову вывод, так как бороды он не носил, а сейчас она имела место быть, и волосы до плеч при его-то коротком ежике.

«Оп-па-на... приплыли...» — тягуче проползла тяжелая мысль.

— Я попал...

«Мечты, что называется, сбываются... — горько и даже несколько истерично подумал Орлов. — Хотел попасть в прошлое? Ну так ты попал... Ну а то, что хотел в собственное детство и своем теле очутиться, а в итоге улетел несколько дальше по времени и в чужую тушку угодил, ну так что ж... накладочка вышла у мироздания, бывает...»

Василий закрыл глаза и глубоко задышал, пытаясь унять дрожь, что начала колотить его тело. Шок. От него никуда не деться. Оставалось только радоваться, что лежит в доме-полуземлянке в одиночестве и еще никто не зашел внутрь и не заметил, что он очнулся. Василию требовалось некоторое время для принятия самого факта падения, ну и как-то сориентироваться в ситуации, выстроить какую-то линию поведения.

С последним обстояло хуже всего, ведь он ничего не знал о реципиенте. Какого-то присутствия хозяина тела он тоже не ощущал. Не была доступна и память реципиента, но ему очень хотелось верить, что это все же времен-

но и доступ к информации он скоро получит, потому как без инфы ему кирдык.

О том, чтобы признаться, что он вселенец из будущего, даже мысли у Орлова не возникло. Ничего хорошего его в таком случае не ждало бы. На костре, может, и не сожгут, хотя совсем не факт, все зависит от эпохи, но и на свободе не оставят, запрут в монастыре на хлеб и воду и начнут изгонять беса, а уж какими методами, так это даже лучше не знать.

Василий пошарил у себя (теперь уже у себя) на груди и нащупал нечто на шее, но по форме явно не крестик. Кружок типа монетки.

— Ага, все-таки времена викингов... Монастырь отменяется, просто принесут в жертву богам.

В руке болтался оберег, выполненный из темного металла, пока неясно, какого. Он его узнал сразу, все-таки в теме, а именно знак Перуна в виде руны «П». На другой стороне медальона находился знак «Секира Перуна».

«Отыгрывать беспамятного? — лихорадочно размышлял он. — А с чего бы я эту память вдруг потерял? Голова вроде целая, значит, никто мне по тыковке не засветил...»

Вариант выглядел крайне слабым еще и потому, что если бы реципиент реально потерял память, то говорить он все равно стал бы как раньше или вообще превратился бы в немого, да еще пускающего слюни дурачка, а Орлов местного наречия не разумеет.

«Разве что еще и немым до кучи прикинуться да язык со временем выучить? Благо у меня с этим проблем не возникнет, пара месяцев, и буду записным аборигеном... — мелькнула дополнительная спасительная идея. — Нет, это вообще уж ни в какие ворота не лезет. Окончательно запишут в помешанные, и тогда придется валить из родных мест, далеко и быстро. Все бы ничего, но, имея никого за спиной, по жизни ничего не добиться ни в мои времена, ни тем более сейчас. А сейчас, судя по всему, у меня неплохой стартовый капитал, даже если я простой воин, глупо его потерять и все начинать с нуля. Так что даже с памятью нужно извратиться, но вывернуться!»

— Стоп... без паники... — сказал он себе. — Попробуем кое-что из ментальных техник... Авань поможет...

Орлов, усилием воли подавив в себе стремительно прогрессирующую душевную сумятицу, вспомнил о самогипнозе, что его по жизни раньше хорошо выручал.

«И что в конечном итоге закинул меня сюда... — пробурчал он мысленно. — Хотя без этого долбаного круга, да еще в сочетании с северным сиянием, явно не обошлось...»

Василий невольно задумался о том, что можно попытаться вернуться.

«Если есть куда... — резонно засомневался он в такой возможности. — Вдруг я там умер? В лучшем случае попаду в другое тело. Вот только кто сказал, что следующий вариант окажется лучше нынешнего? Это тело хоть молодое, здоровое и сильное, а могу попасть в дряхлого калеку старика-шамана, да еще в более глубокую эпоху, в каменный век в какого-нибудь неандера. Оно мне надо? Оно мне сто раз не надо... разве что совсем припрет».

Выбросив лишние мысли из головы, Василий начал мысленно зачитывать мантру, впадая в состояние отрешения, но с фиксацией задания на раскрытие памяти тела.

Несмотря на все с ним произошедшее, а также тревожную окружающую обстановку из-за опасения, что его в любой момент могут поведать и сбить с настроев, самогипноз у Орлова, на удивление, получился как по маслу, так легко и быстро, как в прежней жизни не всегда получалось даже в идеальных условиях и при внешних вспомогательных факторах (специальная музыка и медитатор-концентратор, в качестве которого у гипнотизеров выступает какой-то предмет, на котором концентрируется внимание «жертвы»).

«Кто я? Чье тело занял?» — вопрошал себя Василий Орлов на каком-то ином слое сознания.

В голове что-то забрезжило, заворочалось, как бывает, когда пытаешься вспомнить что-то давно забытое, ухватывая ассоциативные ниточки. А в следующий мо-